

Александр Парнис

«Мы живем в очень странном скрещении миров иных...»

История переписки с Б.К.Зайцевым

как не причастен» и что «корректуру в Москве делали».

Моя недолгая переписка с Зайцевым возникла более 30 лет назад и имела неожиданные последствия. В начале 1960-х годов я задумал составить книгу воспоминаний о Хлебникове и обратился к его современникам, которых удалось разыскать, с просьбой рассказать о поэте.

Я сейчас, к сожалению, не помню точно, от кого я получил адрес Зайцева — то ли от А.В.Храбровицкого, то ли от Н.К.Бруни-Бальмонт, дочери поэта. Мне было известно, что Зайцев в очерке «Пастернак и революция» («РМ» от 5.01.1960; затем очерк вошел в его книгу «Далекое», 1965) кратко упомянул о встрече с Хлебниковым, состоявшейся, вероятно, весной 1918 года в квартире писателя в Кривоарбатском переулке. Футуристы проявляли некоторый интерес к Зайцеву, хотя он и принадлежал к кругу писателей, с которыми они постоянно полемизировали. Но какая все же причина привела вечного бунтаря поэта-футуриста Хлебникова к «тихому» Зайцеву?

Хлебников, видимо, познакомился с произведениями Зайцева еще в 1900-е годы, в начале своей литературной деятельности, но никаких упоминаний Зайцева в его текстах, кроме одного в 1918 году (о котором речь пойдет ниже), обнаружить не удалось. Между тем он читал перевод Зайцева. В автобиографическом рассказе, написанном в революционной Астрахани в начале 1918 г., Хлебников дал мифопоэтическую оценку повести Флобера «Искушение св. Антония», переведенной Зайцевым ритмической прозой (сам автор перевода впоследствии вспоминал, что он трижды его перерабатывал).

В это время Хлебников был захвачен идеей создания интернационального утопического общества «Председателей Земного Шара». В него, по замыслу поэта, должны были войти представители различных национальностей — писатели, художники, ученые и... красивые женщины. Ориентированный в своем мифопоэтическом творчестве на Восток, Хлебников переписывался с японскими юношами, и в малоизвестной заметке «Вестник Председателей Земного Шара», напечатанной во «Временнике», №4, вышедшем в начале 1918 г., он сообщал: «Тэзо Морита (Токио, Иозги, 540) находится в оживленной переписке с председателями и просит сообщить адрес Бориса Зайцева. Кто знает?»

Вопрос Хлебникова связан, очевидно, с тем, что Зайцев в 1918 г. жил преимущественно в отцовском имении в Притыкине, а не в Москве. О популярности Б.Зайцева в Японии футуристы могли узнать также и от Н.Асеева, который в 1918 г. побывал в Японии и сообщал поэту С.П.Боброву в неизданном письме от 25.03.1918 г.: «В Токио я читал лекцию о новейших русских поэтах, все японцы торжественно делали вид, что все поняли, а японки в ответ хором хвалили русского писателя Бориса Зайцева (!?). Он

знавался: «Что такое ГУМ, я по невежеству своему не очень знаю — подозреваю кое-что, но не уверен...»

В его шкале ценностей термины «советская литература» и «социалистический реализм» вообще не существовали. «Однако мы не боимся читать их книги, а им запрещены наши», — писал он в мемуарном очерке «Двадцать первое марта». Зайцев высоко ценил Паустовского, несколько раз писал о нем, именно его (а не какого-нибудь, как он отмечал, Панферова или Фадеева) он выбрал из

К.Паустовский и Б.Зайцев. Париж, 1962.

почему-то здесь в большом фаворе».

Обо всем этом я написал Зайцеву, и именно поэтому возникла в нашей переписке японская тема. Когда я получил от него первое письмо, меня поразило, что оно было написано по старой орфографии (и это был еще один пример неприятия Зайцевым советских реформ ни в каком виде).

Зайцев относился к футуристам, как видно из его позднейших статей, с определенным недоверием, скорее всего из-за публичных скандалов и шумных деклараций, ниспровергающих традиции. Если он и упоминал в своих статьях Маяковского и его соратников, то преимущественно в негативном контексте, делая исключение лишь для Пастернака, с которым в конце жизни находился в переписке и творчеству которого посвятил несколько статей.

Зайцев интересовался, как видно из публикуемых здесь писем, отдельными советскими писателями; в целом же современную отечественную литературу он знал слабо, она мало его занимала, хотя он и писал мне: «Я очень интересуюсь молодой литературой». Сведения о жизни на родине доходили на Запад крайне скудно. В одной из статей Зайцев при-

«советского писания», потому что у автора «Золотой розы» «настоящий русский язык» и он «близкая душа».

Когда Паустовский приехал в Париж в декабре 1962 года, Зайцев пригласил его к себе, они долго беседовали, и, как позднее Зайцев написал в некрологе: «...никаких острых тем не трогали... Расстались дружелюбно, обменялись книгами с автографами соответственными». В это же время в Париже вместе с Паустовским находились В.Некрасов и А.Вознесенский, но Зайцев на их выступления не ходил.

В публикуемых письмах Зайцев неоднократно упоминает Некрасова. Его имя и тема, связанная с ним, в нашей переписке была инициирована мною, так как в Киеве я достаточно часто общался с Виктором Платоновичем и его тетей С.Н.Мотовиловой, автором интересных воспоминаний «Минувшее», напечатанных в «Новом мире» в 1963 г. (№12), о которых В.Шкловский сказал: «То, что она написала о Черткове, лучшее, что я о нем слышал».

В самом начале переписки Борис Зайцев сообщал, что не знаком с книгами Некрасова, но это касалось, очевидно, его художественных произведений. Я

послал Зайцеву две книги Некрасова — одно из изданий повести «В окопах Сталинграда» и «Путешествия в разных измерениях» (1967), где был напечатан его очерк «Месяц во Франции». А позже я связал Зайцева с Некрасовым и его тетей, и между ними возникла самостоятельная переписка.

Как выясняется сейчас из книги «Дни», Зайцев был все-таки знаком с путевыми очерками Некрасова о поездках в Италию и США «По обе стороны океана», напечатанными в «Новом мире» в 1962 году (№№11-12). Кстати, в №11 дебютировал в печати А.Солженицын — повестью «Один день Ивана Денисовича». Более того, Зайцев не только прочитал эти очерки Некрасова, но и живо отреагировал на скандал, связанный с их публикацией, которая вызвала резкую критику самого Хрущева и партийной печати.

Речь Хрущева печаталась в «Правде» (9 марта), «Литературной газете» (12 марта), а через несколько дней в «Известиях» был опубликован заказной издательский фельетон М.Стуруа «Турист с тросточкой». Материалы об этом скандале сразу же появились во французской печати. Через месяц, 13 апреля, Б.Зайцев опубликовал в «Русской мысли» свои записки от 15, 17 и 19 марта, отразившие его непосредственную реакцию на эти события (сейчас они вошли в книгу «Дни»).

Зайцев начал эти записки о Некрасове с подробного рассказа об открытии в 1909 г. в Москве памятника Гоголю работы Н.Андреева, на котором он сам присутствовал. Зайцев, разумеется, абсолютно солидарен с Некрасовым, который в своих очерках сравнивает андреевский памятник Гоголю с новым советским работы Н.Томского и высказывается в пользу старого памятника.

Зайцев иронизирует над примитивным спектаклем, устроенным Хрущевым, и над его обвинением писателя в так называемом «низкопоклонстве перед Западом»: «В клинику не в клинику, но вот, оказывается, всем троим, побывавшим в Париже, дома за этот Париж попало. Кру-Кру просто рассердился. На Некрасова не из-за памятника, а так, вообще, слишком и он, и Вознесенский, Паустовский, Евтушенко оказались здесь в благожелательном воздухе и сами же этот климат создавали...» Он называет эту публичную критику «гражданской казнью» над писателем и сопоставляет ее с травлей в печати Пастернака: «Некрасова с Пастернаком (литературно) не сравниваю, и вообще слишком мало его знаю как писателя. Но 8 марта, на «встрече» с интеллигенцией советской, над Некрасовым тоже была произведена «гражданская казнь». После речи «хозяйина» партийно-тренированное стадо ревели по адресу Некрасова: «Позор!» Что будет дальше, неизвестно. А пока точки соприкосновения в судьбах с Пастернаком есть».

Когда Зайцев писал в этой статье с надеждой: «Не вечно же будет так!» — вряд ли он мог предвидеть, что партийный прессинг и гонения на Некрасова будут длиться так долго. И действительно, с марта 1963 г. начались постоянные проработки Некрасова на различных партсобраниях и беседах в райкомах, а также в печати (второй раз Хрущев снова обрушился на него на июньском пленуме ЦК КПСС в том же году). И эта травля длилась с некоторыми перерывами и послаблениями более десяти лет, хотя после падения Хрущева его даже стали снова печатать: все-таки лауреат Сталинской премии.

В течение этого времени на Некрасова было заведено три партийных дела — его трижды исключали из КПСС. Но первое исключение было заменено строгим выговором — вмешался Пальмиро Тольятти с подачи критика и переводчика книги Некрасова «В окопах Сталинграда» Витторио Страды.

Второе дело возникло в 1969 г. из-за подписи под коллективным письмом в защиту украинского диссидента Вячеслава Черновола, которое также закончилось строгим выговором.

Затем возникло третье дело, которое закончилось в 1972 году исключением из КПСС якобы за неуплату партвзносов.

В сентябре 1974 года его буквально выдавили из страны. Но это было уже после смерти Зайцева.

Москва

Окончание следует.